

**Конвенция о ликвидации всех
форм дискриминации в
отношении женщин**

Distr.: General
6 August 2007
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**
Тридцать девятая сессия
23 июля — 10 августа 2007 года

Мнения

Сообщение № 5/2005

Представлено: Венским кризисным центром по борьбе с бытовым насилием и Ассоциацией за доступ женщин к правосудию от имени Хакана Гёкче, Хандан Гёкче и Гюлю Гёкче (родственники погибшей)

Предполагаемая жертва: Шахида Гёкче (погибшая)

Государство-участник: Австрия

Дата сообщения: 21 июля 2004 года и дополнительная информация от 22 ноября и 10 декабря 2004 года (первоначальные представления)

6 августа 2007 года Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин утвердил прилагаемый текст в качестве мнений Комитета в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола в отношении сообщения 5/2005. Текст мнений прилагается к настоящему документу.

Приложение

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (тридцать девятая сессия)

Сообщение № 5/2005*

Представлено:	Венским кризисным центром по борьбе с бытовым насилием и Ассоциацией за доступ женщин к правосудию от имени Хакана Гёкче, Хандан Гёкче и Гюлю Гёкче (родственники погибшей)
Предполагаемая жертва:	Шахида Гёкче (погибшая)
Государство-участник:	Австрия
Дата сообщения:	21 июля 2004 года и дополнительная информация от 22 ноября и 10 декабря 2004 года (первоначальные представления)

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

на своем заседании 6 августа 2007 года,

завершив рассмотрение сообщения № 5/2005, представленного Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин Венским кризисным центром по борьбе с бытовым насилием и Ассоциацией за доступ женщин к правосудию от имени Хакана Гёкче, Хандан Гёкче и Гюлю Гёкче, родственников Шахиды Гёкче (погибшей), в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

принимая к сведению всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщения и государством-участником,

постановляет следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-жа Фердус Ара Бегум, г-жа Магалис Ароча Домингес, г-жа Мерием Бельмихуб-Зердани, г-жа Сайсуюри Чутикуль, г-жа Мэри Шанти Дайриам, г-н Сис Флинтерман, г-жа Наэла Мухамед Габр, г-жа Франсуаза Гаспар, г-жа Виолета Нойбауэр, г-жа Прамила Паттен, г-жа Сильвия Пиментел, г-жа Фумико Сайга, г-жа Хейсу Шин, г-жа Гленда П. Симмс, г-жа Дубравка Шимонович, г-жа Анама Тан, г-жа Мария Регина Тавариш да Силва и г-жа Цзоу Сяоцяо.

Мнения в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения от 21 июля 2004 года и дополнительной информации от 22 ноября и 10 декабря 2004 года являются Венский кризисный центр по борьбе с бытовым насилием и Ассоциация за доступ женщин к правосудию — обе эти организации, располагающиеся в Вене, Австрия, защищают и поддерживают женщин-жертв насилия по признаку пола. Они утверждают, что Шахида Гёкче (погибшая), гражданка Австрии турецкого происхождения и бывший клиент Венского кризисного центра по борьбе с бытовым насилием, является жертвой нарушения государством-участником статей 1, 2, 3 и 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В отношении этого государства-участника Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу 30 апреля 1982 года и 22 декабря 2000 года, соответственно.

Факты, представленные авторами

2.1 Первое связанное с насилием нападение на Шахиду Гёкче со стороны ее мужа Мустафы Гёкче, о котором известно авторам, имело место 2 декабря 1999 года приблизительно в 16 ч. 00 м. в квартире жертвы, когда Мустафа Гёкче стал душить Шахиду Гёкче и угрожал убить ее. Шахида Гёкче провела ночь у своих друзей, а на следующий день сообщила об этом инциденте в полицию через Управление по вопросам благополучия молодежи 15-го района Вены.

2.2 3 декабря 1999 года в соответствии с разделом 38(а) закона о полиции безопасности (Sicherheitspolizeigesetz)¹, полиция выдала ордер на выселение Мустафы Гёкче и наложила запрет на его возвращение в квартиру. В документах, прилагавшихся к ордеру, сотрудник полиции, который вел это дело, заявил, что под правым ухом Шахиды Гёкче имелось два красных пятна, которые, по ее словам, образовались в результате того, что муж пытался задушить ее.

2.3 В соответствии с пунктом 4 раздела 107 Уголовного кодекса подвергшаяся угрозе супруга, прямой родственник, брат или сестра или родственник, проживающий в том же домашнем хозяйстве, что и обвиняемый, должны дать разрешение на преследование предполагаемого правонарушителя в связи с носившей противоправный характер серьезной угрозой. Шахида Гёкче не разрешила австрийским властям начать преследование Мустафы Гёкче, угрожавшего ее жизни. Поэтому Мустафе Гёкче были предъявлены обвинения, касавшиеся только нанесения телесных повреждений. Он был оправдан, поскольку телесные повреждения, нанесенные Шахиде Гёкче, были слишком незначительны для того, чтобы их можно было квалифицировать как угрожающие жизни.

2.4 Следующие акты насилия, известные авторам, имели место 21 и 22 августа 2000 года. Когда полиция прибыла в квартиру Гёкче 22 августа 2000 года, Мустафа Гёкче держал Шахиду Гёкче за волосы и прижимал ее лицо к полу. Впоследствии она заявила полиции, что накануне Мустафа Гёкче угрожал убить ее, если она сообщит о нем в полицию. Полиция выдала второй ордер на «выселение Мустафы Гёкче и запрет на возвращение» в квартиру и на появлe-

¹ Название этого закона переведено и как Закон о полиции безопасности, и как Закон о поддержании правопорядка.

ние на лестничной площадке жилого дома, который действовал на протяжении 10 дней. Полиция проинформировала прокурора о том, что Мустафа Гёкче совершил «акт насилия приотягчающих обстоятельствах» (по причине угрозы убийством), и просила, чтобы он был взят под стражу. Просьба полиции была отклонена.

2.5 17 декабря 2001 года, 30 июня 2002 года, 6 июля 2002 года, 25 августа 2002 года и 16 сентября 2002 года полицию вызывали в квартиру Гёкче, поскольку поступали сообщения о распрях и громких спорах и/или избиениях.

2.6 В связи с инцидентом 8 октября 2002 года, о котором Шахида Гёкче заявила полиции, последняя выдала третий ордер на выселение и запрет на возвращение в отношении Мустафы Гёкче (сроком на 10 дней); Шахида Гёкче утверждала, что Мустафа Гёкче обзывал ее, таскал за одежду по квартире, бил по лицу, душил и вновь угрожал убить ее. На ее щеке имелся синяк, а справа на шее — гематома. Шахида Гёкче обвинила своего супруга в нанесении телесных повреждений и высказывании уголовно наказуемых угроз в ее адрес. Полиция допросила Мустафу Гёкче и вновь обратилась с просьбой взять его под стражу. Прокурор опять отклонил эту просьбу.

2.7 23 октября 2002 года суд района Хернальз города Вена выдал временный запрет в отношении Мустафы Гёкче на период в три месяца, в соответствии с которым Мустафе Гёкче запрещалось возвращаться в семейную квартиру, а также находиться в непосредственной близости от нее и общаться с Шахидой Гёкче или детьми. Ордер вступал в действие незамедлительно, и полиции было поручено обеспечить его исполнение. Все дети являются несовершеннолетними (две дочери и сын). Они родились в период с 1989 года по 1996 год.

2.8 18 ноября 2002 года Управление по вопросам благополучия молодежи (которое постоянно поддерживало контакт с семьей Гёкче по той причине, что акты насилия происходили на глазах детей) проинформировало полицию о том, что Мустафа Гёкче не соблюдает временный запрет и проживает в семейной квартире. При проверке полиция там его не обнаружила.

2.9 Авторы указывают, что полиция из других источников знала о том, что Мустафа Гёкче опасен и имеет при себе оружие. В конце ноября 2002 года Ремзи Беркент, отец Шахиде Гёкче, сообщил в полицию о том, что Мустафа Гёкче часто звонил ему и угрожал убить Шахиду Гёкче или какого-либо другого члена семьи; сотрудник полиции, принявший звонок г-на Беркента, не сделал никакой записи об этом. Брат Мустафы Гёкче также информировал полицию о напряженных отношениях между Шахидой Гёкче и ее мужем и о том, что Мустафа Гёкче несколько раз угрожал убить ее. Его заявление полицией не было серьезно воспринято или зафиксировано. Полиция не проверила и наличие у Мустафы Гёкче оружия, даже несмотря на то, что в его отношении действовал запрет на владение огнестрельным оружием.

2.10 5 декабря 2002 года прокурор города Вена прекратил разбирательство в отношении Мустафы Гёкче по обвинению в нанесении телесных повреждений и высказывании угроз по той причине, что отсутствовали достаточные основания для его преследования в судебном порядке.

2.11 7 декабря 2002 года Мустафа Гёкче застрелил Шахиду Гёкче из огнестрельного оружия в их квартире на глазах их двух дочерей. В отчете полиции говорится о том, что ни один из сотрудников полиции не был направлен в квар-

тиру для урегулирования спора между Мустафой Гёкче и Шахидой Гёкче, который имел место незадолго до убийства.

2.12 Два с половиной часа спустя после совершения преступления Мустафа Гёкче сдался полиции. Согласно сообщениям, в настоящее время он отбывает пожизненное заключение в учреждении для правонарушителей с психическими расстройствами².

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что Шахида Гёкче является жертвой нарушения государством-участником статей 1, 2, 3 и 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, поскольку государство-участник неактивно принимало все необходимые меры по защите права Шахиды Гёкче на личную безопасность и жизнь. Государство-участник не обеспечило такое обращение с Мустафой Гёкче, которое предусмотрено уголовным законодательством в отношении чрезвычайно опасных и совершающих грубые акты насилия правонарушителей. Авторы утверждают, что Федеральный закон о защите от насилия в семье не предусматривает средств защиты женщин от совершающих весьма грубые акты насилия лиц, прежде всего в отношении неоднократных случаев грубого насилия и угроз смерти. Авторы настаивают, что в этих случаях требуется применять содержание под стражей. Авторы также утверждают, что, если бы связь между полицией и прокурором была налажена лучше и оперативнее, то прокурор знал бы об имевших место актах насилия и угрозах смертью и мог бы принять решение о наличии достаточных оснований для судебного преследования Мустафы Гёкче.

3.2 Далее авторы утверждают, что государство-участник также не выполнило свои обязательства, определенные в общих рекомендациях №№ 12, 19 и 21 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Декларации Организации Объединенных Наций о ликвидации насилия в отношении женщин, заключительных замечаниях Комитета (июнь 2000 года) по сводному третьему и четвертому периодическому докладу и пятому периодическому докладу Австрии, резолюции Организации Объединенных Наций о мерах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин, в ряде положений итогового документа двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи, статье 3 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций, в статьях 6 и 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ряде положений других международных договоров и Конституции Австрии.

3.3 Что касается статьи 1 Конвенции, то авторы утверждают, что женщины гораздо больше, чем мужчины, страдают в результате несерьезного отношения прокуратуры к случаям бытового насилия в качестве реальной угрозы жизни и от того, что обвинение принципиально не принимает решений о содержании под стражей предполагаемых правонарушителей в ходе рассмотрения таких дел. Женщины также в непропорционально большей степени страдают от практики ненадлежащего судебного преследования и наказания правонарушителей за акты бытового насилия. Кроме того, женщины в непропорционально большей степени страдают в результате отсутствия координации между со-

² По сообщениям, он понимает (“*compos mentis*”), что совершил убийство, однако в целом признан психически ненормальным.

трудниками правоохранительных и судебных органов, в результате отсутствия просвещения среди сотрудников правоохранительных и судебных органов по вопросам бытового насилия и сбора данных и статистической информации о случаях бытового насилия.

3.4 Что касается статьи 1, а также статьи 2(a), (c), (d) и (f) и статьи 3 Конвенции, то авторы утверждают, что отсутствие содержания под стражей предполагаемых правонарушителей по делам о бытовом насилии, неадекватное преследование правонарушителей и отсутствие координации между сотрудниками правоохранительных и судебных органов, а также отсутствие сбора данных и статистической базы данных о случаях бытового насилия привели к неравенству на практике и обусловили отказ Шахиде Гёкче в ее правах человека. Она стала объектом насильственных нападений, избиений, принуждения, угроз смертью, а после того, как Мустафа Гёкче не был взят под стражу, была убита.

3.5 Что касается статей 1, а также 2(e) Конвенции, то авторы заявляют, что сотрудники системы уголовного правосудия Австрии не проявили должного внимания при расследовании и судебном преследовании в связи с актами насилия и обеспечении защиты прав Шахиды Гёкче на жизнь и личную безопасность.

3.6 Что касается статьи 1 и статьи 5 Конвенции, то авторы утверждают, что убийство Шахиды Гёкче является одним из трагических примеров отсутствия серьезного подхода к рассмотрению таких случаев насилия в отношении женщин со стороны общественности и властей Австрии. В рамках системы отправления уголовного правосудия, прежде всего с точки зрения прокуроров и судей, этот вопрос рассматривается в качестве социальной или бытовой проблемы, незначительного или маловажного правонарушения, имеющего место в некоторых группах общества. Они не применяют уголовное законодательство к таким случаям насилия, поскольку опасность не рассматривается в качестве серьезной и страхам и опасениям женщин не уделяется должного внимания.

3.7 Авторы просят Комитет рассмотреть вопрос о той степени, в которой были нарушены права человека жертвы и права, защищаемые Конвенцией, и вопрос об ответственности государства-участника за невзятие опасного подозреваемого преступника под стражу. Авторы также просят Комитет рекомендовать, чтобы государство-участник обеспечило эффективную защиту женщин, ставших жертвами насилия, прежде всего женщин-мигрантов, четко проинструктировав государственных прокуроров и проводящих расследование судей о том, что они должны делать в связи со случаями грубого насилия в отношении женщин.

3.8 Авторы далее просят Комитет рекомендовать государству-участнику осуществлять активную политику арестов и задержаний, с тем чтобы эффективным образом обеспечивать защиту женщин-жертв бытового насилия и активную политику уголовного преследования, которые позволят понять правонарушителям и общественности, что общество осуждает бытовое насилие, и обеспечить координацию действий между различными правоохранительными органами.

3.9 Авторы просят также Комитет рекомендовать государству-участнику обеспечить постоянное сотрудничество всех органов системы уголовного правосудия (полиция, прокуроры, судьи) с организациями, которые занимаются

вопросами защиты и поддержки женщин-жертв насилия по признаку пола, и обеспечить обязательный характер учебных программ и просвещения по вопросам бытового насилия для сотрудников системы уголовного правосудия.

3.10 Что касается приемлемости сообщения, то авторы утверждают, что отсутствуют какие-либо-другие внутренние средства защиты, которые можно было бы использовать для защиты личной безопасности Шахиды Гёкче и для предупреждения ее убийства. Как постановления о выселении и запрете на возвращение, так и ограничительное постановление оказались неэффективными. Что касается собственных попыток погибшей получить защиту (неоднократные звонки в венскую полицию, когда Мустафа Гёкче напал и душил ее; три официальные жалобы в полицию; предъявление обвинений в адрес Мустафы Гёкче) и попыток других (соседи, звонившие в полицию Вены, отец жертвы, сообщивший об угрозах смертью; брат Мустафы Гёкче, сообщивший о том, что Мустафа Гёкче имеет при себе огнестрельное оружие), то они оказались безрезультатными.

3.11 В представлении от 10 декабря 2004 года авторы указывают, что наследники не предъявили какого-либо гражданского иска в соответствии с Законом об официальной (государственной) ответственности. Авторы утверждают, что такой иск не был бы эффективным средством решения проблемы защиты Шахиды Гёкче и не позволил бы предупредить ее убийство. Предъявление государству в судебном порядке иска за бездействие и небрежность не помогло бы вернуть ее к жизни, а лишь предоставило наследникам компенсацию за утрату и иной ущерб. Два подхода — компенсация, с одной стороны, и защита, с другой стороны — понятия противоположные. Они различаются в плане отношения к бенефициару (наследники по отношению к жертве), существующих намерений (предоставить компенсацию за ущерб по сравнению со спасением жизни) и выбора времени (после смерти, а не до нее). Если бы государство-участник обеспечивало бы эффективную защиту женщин, не было бы необходимости определять ответственность государства. Кроме того, дела о компенсации связаны с огромными издержками. Авторы заявляют, что они направили сообщение, с тем чтобы привлечь государство-участник к ответственности за бездействие и небрежность, а не для того, чтобы получить компенсацию для наследников. Наконец, предъявление государству-участнику иска в судебном порядке навряд ли обеспечит эффективную помощь в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола.

3.12 Авторы также заявляют, что они не направляли сообщение никакому другому органу Организации Объединенных Наций или региональному механизму международного урегулирования или расследования.

3.13 Что касается вопроса *locus standi*, то авторы утверждают, что у них имеются убедительные и надлежащие основания предъявлять иск от имени Шахиды Гёкче, которая не может дать согласия по той причине, что она скончалась. Они считают уместным представлять ее интересы в Комитете, поскольку она была их клиентом и имела личные отношения с ними и поскольку они являются организациями, обеспечивающими специальную защиту и поддержку женщин, ставших жертвами бытового насилия; одна из двух организаций является кризисным центром по борьбе с бытовым насилием, который, по сообщениям, был создан согласно пункту 3 раздела 25 Федерального закона о полиции безопасности. Они стремятся добиться справедливости в отношении Шахиды Гёк-

че и улучшить защиту женщин в Австрии от бытового насилия, с тем чтобы ее смерть не была напрасной. При этом авторы получили письменное согласие Управления по делам молодежи и семьи города Вена, являющегося попечителем трех несовершеннолетних детей Шахиды Гёкче.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости

4.1 В представленном 4 мая 2005 года документе государство-участник описывает последовательность событий, приведших к убийству Шахиды Гёкче. Мустафа Гёкче не был подвергнут уголовному преследованию за опасную уголовно преследуемую угрозу в отношении Шахиды Гёкче 2 декабря 1999 года, потому что она не разрешила властям сделать это. Последние начали преследование его в судебном порядке за злоумышленное причинение телесных повреждений. Согласно материалам суда, Шахида Гёкче не хотела давать показания против Мустафы Гёкче и открыто просила суд не наказывать ее мужа. Он был оправдан за отсутствием доказательств.

4.2 23 августа 2000 года полиция издала постановление в отношении Мустафы Гёкче, запрещающее его возвращение домой. Она сообщила по телефону прокурору о случившемся накануне происшествия, связанным с грубым принуждением и опасной угрозой.

4.3 18 сентября 2000 года прокурор получил письменную жалобу относительно происшествия, случившегося 22 августа 2000 года. На допросе Шахида Гёкче заявила, что у нее случился эпилептический припадок и приступ депрессии, и отрицала, что Мустафа Гёкче угрожал убить ее. Вследствие этого прокурор прекратил в отношении Мустафы Гёкче процессуальные действия в связи с грубым принуждением и опасной угрозой.

4.4 13 января 2001 года суд, в компетенцию которого входит рассмотрение вопросов об опекунстве, ограничил роль Мустафы Гёкче и Шахиды Гёкче в уходе и воспитании их детей и потребовал от них выполнять меры, согласованные с Управлением по вопросам благополучия молодежи. В своем решении суд отметил, что Мустафа Гёкче и Шахида Гёкче всегда пытались создать впечатление, что они живут нормальной жизнью. На вопрос об обвинениях, связанных с телесными повреждениями и с опасными угрозами, и Мустафа Гёкче и Шахида Гёкче посчитали важным отметить, что между ними наступало полное примирение сразу же после каждого инцидента.

4.5 Мустафа Гёкче и Шахида Гёкче согласились пройти курс психотерапии для супругов и поддерживать контакт с Управлением по вопросам благополучия молодежи. До лета 2002 года они проходили курс психотерапии. Городские власти также предложили им новую и более просторную квартиру с целью удовлетворения их насущных жилищных потребностей. Несмотря на эти меры, полиция неоднократно вмешивалась в споры супругов 17 декабря 2001 года, 30 июня 2002 года, 6 июля 2002 года, 25 августа 2002 года и 16 сентября 2002 года.

4.6 23 октября 2002 года суд района Хернальз издал временный запрет в отношении Мустафы Гёкче согласно разделу 382(b) Закона о выполнении судебных решений, который запрещал ему возвращаться в квартиру и находиться в непосредственной близости от нее, а также контактировать с детьми и Шахидой Гёкче. Она дала показания перед судьей в присутствии Мустафы Гёкче

(хотя ей сообщили о ее правах), заявив, что она сделает все возможное для сохранения семьи, что Мустафа Гёкче поддерживает очень хорошие отношения с детьми и что он помогает ей вести домашнее хозяйство, поскольку у нее случаются приступы эпилепсии.

4.7 В полицейском отчете от 18 ноября 2002 года указывалось, что Управление по вопросам благополучия молодежи просило полицию прибыть в квартиру Гёкче, поскольку он нарушил временный запрет и находился в квартире. По прибытии полиции Мустафы Гёкче там уже не было. Шахида Гёкче, по всей видимости, была рассержена прибытием полиции и спросила их, почему они приезжают почти каждый день, хотя она открыто заявила, что хотела бы провести свою жизнь вместе со своим мужем.

4.8 6 декабря 2002 года Канцелярия прокурора Вены сняла обвинение, связанное с опасной уголовно преследуемой угрозой и относившейся к происшествию, которое случилось 8 октября 2002 года, поскольку Шахида Гёкче сделала письменное заявление в полицию, в котором утверждала, что в результате ссоры она получила увечье. Она также заявила, что ее муж неоднократно на протяжении ряда лет угрожал убить ее. Прокурор исходил из предположения о том, что угрозы являются обычным элементом в ссорах супругов и не требуют принятия мер. Шахида Гёкче неоднократно пыталась принизить значение происшествий в интересах предупреждения судебного преследования Мустафы Гёкче. Делая это и отказываясь давать показания в ходе уголовного разбирательства, она способствовала тому факту, что он не мог быть осужден за преступления.

4.9 7 декабря 2002 года Мустафа Гёкче пришел рано утром в квартиру и открыл дверь ключом, который ему дала Шахида Гёкче неделей ранее. Он покинул квартиру в 08 ч. 30 м. утра, с тем чтобы вернуться обратно в полдень. Шахида Гёкче кричала на него и говорила, что он не является отцом всех ее детей, после чего Мустафа Гёкче застрелил ее из пистолета, который он купил три недели назад, несмотря на действовавший в отношении него запрет на ношение оружия.

4.10 По заявлению свидетеля-эксперта на суде Мустафы Гёкче, он совершил убийство под влиянием параноидального психоза ревности, что освобождает его от уголовной ответственности. По этой причине Канцелярия прокурора Вены просила поместить его в учреждение для невменяемых в отношении совершенного преступления. 23 октября 2003 года районный уголовный суд Вены издал постановление о помещении Мустафы Гёкче в такое учреждение.

4.11 Что касается приемлемости, то государство-участник оспаривает факт полного использования внутренних средств судебной защиты. Во-первых, Шахида Гёкче не дала компетентным органам своего разрешения на преследование Мустафы Гёкче в судебном порядке за опасную угрозу. Она не была также готова дать показания против него. Она просила суд не наказывать ее мужа и после выдвинутых обвинений регулярно предпринимала огромные усилия по преуменьшению значимости инцидентов и отрицанию их уголовного характера.

4.12 Государство-участник далее утверждает, что Федеральный закон о защите против насилия в семье обеспечивает весьма эффективную систему борьбы с бытовым насилием и создает рамки для эффективного сотрудничества между

различными учреждениями. Соответственно предоставляются сведения об аспектах этой системы, в том числе о роли кризисных центров. Помимо мер уголовного преследования имеется ряд полицейских мер и мер в области гражданского права, применяемых в целях защиты от бытового насилия. Эта система дополняется наличием убежищ. В менее тяжких случаях возможно урегулирование споров на основании Закона о поддержании правопорядка.

4.13 Шахида Гёкче никогда не прибегала к разделу 382(b) Закона об исполнении судебных решений о применении временного запрета в отношении Мустафы Гёкче. Вместо этого она однозначно заявляла, что не заинтересована в дальнейшем вмешательстве в ее семейную жизнь. Она никогда не принимала четкого решения о разрыве взаимоотношений между собой с детьми и ее мужем (например, она дала ему ключи от квартиры, несмотря на действие временного запрета). Без такого решения со стороны Гёкче власти были ограничены в действиях, которые они могли бы принять по ее защите. Без сотрудничества с ее стороны эффективная защита была обречена на провал.

4.14 В этих условиях применение меры взятия под стражу не было оправдано в связи с происшествием, случившимся 8 октября 2002 года. Мустафа Гёкче не имел уголовного прошлого, и в то время прокурор не знал, что Мустафа Гёкче имеет огнестрельное оружие. Прокурор не посчитал, что известные факты свидетельствуют о непосредственной угрозе со стороны Мустафы Гёкче совершить убийство; взятие под стражу могло бы быть лишь оправдано *ultima ratio*. В свете явного недовольства Шахиды Гёкче по поводу вмешательства полиции 18 ноября 2002 года (см. пункт 4.7) прокурор не мог предположить, что обвинение приведет к осуждению и тюремному заключению. Суд должен учитывать принцип пропорциональности при задержании обвиняемого и должен в любом случае отклонять содержание под стражей, если сроки становятся непропорциональными ожидаемому приговору.

4.15 Кроме того, Шахида Гёкче имела право обратиться в Конституционный суд с жалобой согласно пункту 1 статьи 140 Федеральной конституции, которая оспорила бы положение, не позволившее ей апеллировать против решений прокурора не выдавать ордера на арест Мустафы Гёкче. Исходя из того, что живые наследники могут в настоящее время проявить прямую заинтересованность в превентивной силе отмены соответствующего положения в интересах жертв бытового насилия, таких, как Шахида Гёкче, им по-прежнему можно было бы обратиться по этому вопросу в Конституционный суд.

4.16 Государство-участник также утверждает, что для судей и сотрудников полиции на регулярной основе проводятся специальные подготовительные курсы по вопросам бытового насилия. Постоянно проводится обзор сотрудничества между судьями и полицией в целях обеспечения более быстрого вмешательства государственных органов с целью предотвращения, насколько это возможно, таких трагедий, которая постигла Шахиду Гёкче, без ненужного вмешательства в личную семейную жизнь и не затрагивая другие основные права.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника о приемлемости

5.1 В своем представлении от 31 июля 2005 года авторы выразили несогласие с тем, что жертва и авторы исчерпали все внутренние средства судебной защиты, которые, по всей вероятности, могли бы принести положительный резуль-

тат. Они указывают на отсутствие юридического обязательства применять гражданские меры, такие, как временный запрет.

5.2 Авторы также придерживаются мнения о том, что идея направления женщиной, которой угрожают смертью, обращения в Конституционный суд не является доводом, добросовестно выдвигаемым государством-участником. Вся процедура длится около двух–трех лет, и по этой причине маловероятно обеспечить достаточное облегчение положения женщины, которой угрожали смертью.

5.3 Авторы считают, что государство-участник неправильно возложило бремя и ответственность за меры в отношении мужа-насильника на жертву и не смогло понять той опасности, с которой она сталкивалась и того влияния на жертву, которое оказывал на нее муж. Поэтому авторы считают, что пункт 4 раздела 107 Уголовного кодекса, касающийся выдачи разрешения на преследование лиц, которые выступают с опасными уголовно наказуемыми угрозами, должен быть отменен, с тем чтобы возложить бремя на государство — и именно на него — при этом подтверждался бы факт о том, что выступать с уголовно наказуемой угрозой является преступлением против общества, а также против отдельной жертвы.

5.4 Авторы поясняют, что Шахида Гёкче боялась оставить своего мужа-насильника. Жертвы стараются избегать действий, которые могут привести к еще большей угрозе, с которой они сталкиваются («стокгольмский синдром») и часто вынуждены действовать в интересах лица, совершающего преступление. Ее нельзя обвинять в том, что она не могла отдельно жить с супругом по психологическим, экономическим и социальным причинам.

5.5 Авторы также оспаривают описание государством-участником некоторых фактов; Мустафа Гёкче (а не Шахида Гёкче) заявил, что у нее случился эпилептический приступ и что она страдала от депрессии. Она не отрицала, как заявляет государство-участник, угрозы со стороны своего мужа. Она отказалась выступить против Мустафы Гёкче лишь один раз. Если Шахида Гёкче и принижала серьезность инцидентов в Управлении по вопросам благополучия молодежи, то это было обусловлено ее боязнью потерять своих детей. Авторы также указывают, что Мустафа Гёкче прекратил курс терапии и что полиция было бы проще установить факт ношения Мустафой Гёкче огнестрельного оружия. Они также указывают, что Шахида Гёкче обратилась в полицию в ночь до ее убийства, а этот факт показывает, насколько сильной была ее боязнь и что она была готова принять меры по недопущению его прихода в квартиру.

5.6 Что касается замечаний государства-участника об эффективном сотрудничестве между различными учреждениями, то полиция и прокурор начали контактировать с Венским кризисным центром по борьбе с бытовым насилием только после смерти Шахиды Гёкче.

Дополнительные замечания государства-участника о приемлемости

6.1 В своем представлении от 21 октября 2005 года государство-участник решительно отвергает соображения, выдвинутые авторами, и поддерживает свое предыдущее заявление. Государство-участник указывает, что авторы не только ссылаются на якобы имевшее место бездействие со стороны компетентных прокурора и судьи-следователя, но и сам закон. Их критика касается правовых

рамок, применения юридических положений, которые защищают право на жизнь, физическую неприкосновенность и право соблюдать частную семейную жизнь, а также абстрактной неспособности принять достаточно эффективных мер в целом.

6.2 Согласно пункту 1 статьи 140 Федеральной конституции, любой гражданин может оспорить юридические положения как неконституционные, если он/она заявляет о якобы прямом нарушении отдельных прав, в смысле применения закона в отношении этой личности без вынесения судебного решения или постановления. Никаких временных рамок подачи таких заявлений не существует.

6.3 Цель процедуры заключалась бы в исправлении якобы имевшего место нарушения закона. Конституционный суд рассматривает заявление как законное, если при аннулировании данного положения юридическое положение заявителя изменилось бы в такой степени, что якобы имевшие место негативные юридические последствия более бы не существовали. Кроме того, должны быть фактически затронуты юридически защищаемые интересы заявителя. Это должно происходить во время подачи заявления и вынесения Конституционным судом своего решения. Заявители, выигрывающие свои дела, имеют право на компенсацию.

6.4 Раздел 15 Закона о Конституционном суде содержит общие требования в отношении формы обращения в Конституционный суд. Эти требования предусматривают, что заявление должно подаваться в письменном виде, что заявление должно касаться конкретного положения Конституции; заявитель должен изложить соответствующие факты; и заявление должно содержать конкретную просьбу. Согласно пункту 1 раздела 62 Закона в заявлении должно четко указываться, какие положения должны быть аннулированы. Более того, в заявлении должно быть подробно указано, почему оспариваемые положения являются незаконными и в какой степени закон действовал в отношении заявителя без вынесения судебного решения или постановления. Согласно пункту 2 раздела 17 Закона заявления должны подаваться уполномоченным адвокатом.

6.5 Если Конституционный суд согласен с заявителем, он выносит постановление об отмене этих положений. Затем Федеральный канцлер обязан провозгласить об аннулировании этих положений в Федеральном юридическом бюллетене, который вступает в силу в конце дня его оглашения. Конституционный суд может также установить максимальный срок в 18 месяцев в отношении аннулирования, что не обязательно применяется в отношении самих заявителей. Строгие временные рамки устанавливаются в том случае, если законодательству нужно получить возможность введения новой системы, соответствующей конституционным рамкам. В свете его предыдущих решений можно предположить, что Конституционный суд воспользовался бы последней возможностью, если бы он должен был принять решение об аннулировании того или иного положения.

6.6 Процедура по пункту 1 статьи 140 Федеральной конституции может, действительно, занять два-три года, как это указывают авторы. Однако сроки разбирательства могут быть короче, если его неотложность разъяснена Конституционному суду. Разбирательства в последнем не предусматривают быстрого удовлетворения иска. Однако пункт 1 статьи 4 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

предписывает использование всех имеющихся внутренних средств правовой защиты, если только разбирательство не будет неоправданно затянутым или нельзя ожидать искомого результата.

6.7 Требование об использовании внутренних средств правовой защиты отражает общий принцип международного права и обычный элемент международных механизмов в области прав человека. Он предоставляет соответствующему государству возможность устранить нарушения прав человека, прежде всего на внутреннем уровне.

6.8 Государство-участник утверждает, что Шахида Гёкче или ее родственники должны были использовать возможность подачи на рассмотрение Конституционного суда отдельного заявления до представления сообщения в Комитет согласно требованию пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола. Разбирательство в Конституционном суде не является неоправданно затянутым. Более того, нельзя сказать, что в свете прецедентного права суда родственники не имели бы права подать отдельные заявления, поскольку — насколько известно — на рассмотрении суда не находилось аналогичных случаев.

6.9 Государство-участник далее утверждает, что пункт 1 статьи 4 Факультативного протокола не включает только средства правовой защиты, которые приносят положительный результат в любом случае. В случае такового заявление могло бы привести к аннулированию оспариваемых процедурных положений или к введению по законодательству новой системы в области бытового насилия в соответствии с намерениями авторов. Верно, что в настоящее время после смерти Шахиды Гёкче нет никакого искомого результата с точки зрения эффективной защиты ее личной безопасности и жизни. Однако в ходе нынешнего разбирательства Комитет должен проанализировать на этапе приемлемости, имела ли Шахида Гёкче по внутреннему законодательству возможность применения юридических положений, которые помешали ей воспользоваться своими правами на пересмотр конституционных положений, и имели ли ее родственники возможность использовать аналогичный механизм отмены соответствующих юридических положений на внутреннем уровне для достижения своих целей.

Вопросы и процедуры, находящиеся на рассмотрении Комитета и касающиеся приемлемости

7.1 На своей тридцать четвертой сессии (16 января — 3 февраля 2006 года) Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения в соответствии с правилами 64 и 66 своих правил процедуры. Он подтвердил, что до этого данный вопрос не рассматривается ни под одной из процедур международного расследования или урегулирования.

7.2 В связи с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (правило о внутренних средствах правовой защиты) Комитет отметил, что авторы должны использовать средства правовой защиты в рамках внутренней правовой системы, которая доступна для них и позволит им получить возмещение за возможные нарушения. Существо их жалоб, которые впоследствии были представлены на рассмотрение Комитета, должно было быть вначале рассмотрено соответствующим внутренним органом. В противном случае терялась бы мотивация представления. Правило о внутренних средствах правовой защиты было разра-

ботано для того, чтобы государства-участники имели возможность устранять нарушения любых прав, признанных в Конвенции, в рамках своих юридических систем до рассмотрения этих вопросов в Комитете. Комитет по правам человека недавно напомнил о значении соответствующего правила в пункте 6.3 дела Панайоте Селала от имени его сына Анджело Селала против Греции (1235/2003):

«Комитет напоминает, что смысл требования об исчерпании средств правовой защиты по пункту 2(b) статьи 5 Факультативного протокола заключается в предоставлении самому государству-участнику возможности исправить совершенное нарушение...».

7.3 Комитет отметил, что в сообщениях, осуждающих факты бытового насилия, средства правовой защиты, к которым обращаются с целью установления приемлемости, касаются обязанности соответствующего государства-участника уделять должное внимание защите, расследованию преступления, наказанию лица, совершившего его, и выдаче компенсации, как это установлено в общей рекомендации 19 Комитета.

7.4 Комитет пришел к выводу, что заявления относительно обязанности государства-участника уделить должное внимание защите Шахиды Гёкче, составляют суть сообщения и имеют весьма большое значение для наследников. Так, вопрос о том, были ли исчерпаны внутренние средства правовой защиты в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола, должен быть рассмотрен в связи с этими заявлениями. Заявления в основном касаются пробелов в законодательстве, а также предположительно неправильных действий властей, не принявших меры, предусмотренные законом. Что касается возможных пробелов в законодательстве, то авторы заявляют, что в соответствии с Уголовным кодексом Шахида Гёкче не смогла обжаловать отказ прокурора заключать под стражу ее мужа за уголовно наказуемую угрозу в ее адрес. Государство-участник утверждало, что процедура, цель которой заключается в устранении предположительно имевшего место нарушения закона, определена в пункте 1 статьи 140 Федеральной конституции, была доступна для погибшей и остается доступной для ее родственников. Государство-участник заявило, что неиспользование погибшей и ее родственниками этой процедуры должно исключить приемлемость сообщения.

7.5 Комитет отметил, что процедура согласно пункту 1 статьи 140 Федеральной конституции не может рассматриваться в качестве средства правовой защиты, способного эффективно облегчить положение женщины, чья жизнь находилась в смертельной опасности. Комитет также отметил, что этим внутренним средством правовой защиты вряд ли могли воспользоваться родственники погибшей с учетом абстрактного характера такого конституционного средства. Соответственно, Комитет пришел к выводу о том, что для целей приемлемости утверждений авторов по поводу юридической базы защиты женщин-жертв бытового насилия в отношении погибшей никаких средств, способных обеспечить эффективную защиту, не имелось, поэтому в этой части сообщение является приемлемым. В отсутствие информации о других имеющихся эффективных средствах правовой защиты, которые Шахида Гёкче или ее родственники могли бы использовать или по-прежнему могут использовать, Комитет пришел к выводу о том, что утверждения авторов по поводу действия или бездействия государственных лиц приемлемые.

7.6 27 января 2006 года Комитет объявил сообщение приемлемым.

Просьба государства-участника о пересмотре решения о приемлемости и изложение обстоятельств дела

8.1 В своем представлении от 12 июня 2006 года государство-участник просит Комитет пересмотреть его решение относительно приемлемости. Государство-участник вновь заявляет, что родственники Шахиды Гёкче должны использовать процедуру, предусмотренную пунктом 1 статьи 140 Федеральной конституции, чтобы попытаться добиться внесения поправки в закон, запрещающий Шахиде Гёкче опротестовать решение прокурора, отказавшегося заключить под стражу Мустафу Гёкче. Государство-участник настаивает на том, что это средство правовой защиты является достаточно эффективным для целей сообщения на национальном уровне.

8.2 Государство-участник также утверждает, что после отклонения прокурором обвинений против Мустафы Гёкче Шахида Гёкче вполне могла добиваться принятия в отношении ее мужа меры, известной как «смежное судебное преследование» (Subsidiaranklage). Юридическая система Австрии предусматривает, что лицо, которому был причинен ущерб, может самостоятельно инициировать преследование, если прокурор снимает обвинение и отказывается от судебного преследования правонарушителя. Прокурор обязан информировать об этой возможности лицо, которому был причинен ущерб.

8.3 Государство-участник оспаривает последовательность событий, которые привели к убийству Шахиды Гёкче. Государство-участник указывает, что исчерпывающий отчет по делу Мустафы Гёкче, подготовленный Высшей государственной прокуратурой Вены, подтверждает, что Шахида Гёкче не давала согласия на судебное преследование мужа за уголовно наказуемую серьезную угрозу, которую тот высказал в ее адрес 2 декабря 1999 года, и что по этой причине обвинение против него было снято. Что касается преследования ex officio Мустафы Гёкче за преднамеренное нанесение телесных повреждений в связи с этим же инцидентом, то Шахида Гёкче подтвердила в районном суде Фунфхауса слова ее мужа о том, что она подвержена приступам эпилепсии и периодически испытывает депрессию и что синяк на ее шее появился, когда муж пытался ее удержать. С Мустафы Гёкче было снято обвинение в умышленном причинении телесных повреждений в отсутствие других доказательств против него.

8.4 Государство-участник представляет дополнительную информацию об инциденте, происшедшем 21 августа 2000 года: из протоколов явствует, что Шахида Гёкче не была травмирована и что Мустафа Гёкче не бил ее. Она была ознакомлена с возможными средствами защиты, предусмотренными в федеральном законе о защите от бытового насилия, и ей была вручена брошюра с информацией для жертв насилия; об этом инциденте в установленном порядке также были проинформированы Венский кризисный центр и Организация по вопросам благосостояния молодежи; кроме того, 24 августа 2000 года Мустафа Гёкче явился в полицейский участок Шмельца вместе с их сыном Хаканом Гёкче, который заявил, что ссору с отцом начала его мать, которая напала на него.

8.5 Государство-участник утверждает, что 1 сентября 2000 года Шахида Гёкче (которая, как указано в протоколе, давала показания без присутствия мужа) заявила, что муж никогда не угрожал убить ее. У нее был приступ эпилепсии и, возможно, из-за этого она высказала необоснованные обвинения в адрес мужа,

во время таких приступов она говорит бессмысленные вещи, которые впоследствии не может вспомнить. 20 сентября 2000 года прокурор снял обвинения в адрес Мустафы Гёкче.

8.6 Государство-участник утверждает, что сразу же после инцидента 8 октября 2002 года прокурор обвинил Мустафу Гёкче в том, что тот нанес телесные повреждения Шахиде Гёкче и угрожал убить ее. Однако он не потребовал ареста Мустафы Гёкче. Шахида Гёкче без присутствия мужа сообщила полиции, что тот душил ее и угрожал убить. Ей вновь было сообщено о возможности подачи заявления о вынесении временного запрета по разделу 382(b) Закона о выполнении судебных постановлений и ей была выдана брошюра для жертв насилия. Мустафа Гёкче отрицал все выдвинутые против него обвинения. Имелись свидетельства того, что во время скандала 8 октября 2002 года Мустафа Гёкче получил легкие телесные повреждения.

8.7 Государство-участник заявляет, что Шахиде Гёкче была предоставлена возможность давать показания без присутствия мужа на слушаниях по вынесению временного запрета в районном суде Хернальза. На этих слушаниях Шахида Гёкче заявила, что она приложит все усилия, чтобы сохранить семью. Она также указала, что муж очень хорошо относится к детям и помогает ей по дому. Согласно рапорту полицейского комиссариата западного округа, Мустафа Гёкче в последующем неоднократно нарушал временный запрет, в связи с чем полиция неоднократно посещала дом Гёкче, что вызывало недовольство у Шахиды Гёкче.

8.8 Государство-участник заявляет, что прокурор снял обвинение против Мустафы Гёкче 6 декабря 2002 года из-за отсутствия убедительных доказательств, что Мустафа Гёкче высказывал уголовно наказуемые серьезные угрозы в адрес жены, гораздо более грубые, чем те, которые свойственны манере выражаться, обусловленной его культурным уровнем. Что касается физических доказательств, то государство-участник заявляет, что невозможно с точностью установить, кто из супругов первым начал агрессивные действия. Государство-участник также утверждает, что судебное преследование Мустафы Гёкче в связи с нанесением телесных повреждений было прекращено в силу отсутствия у него криминальной истории и поскольку нельзя было исключить возможность того, что сама Шахида Гёкче вела себя агрессивно в отношении мужа.

8.9 Постановлением от 17 октября 2003 года Венский районный уголовный суд распорядился поместить Мустафу Гёкче в связи с убийством Шахиды Гёкче в клинику для душевнобольных преступников. Согласно экспертному заключению, полученному судом, Мустафа Гёкче совершил преступление в невменяемом состоянии, вызванном приступом ревности, что освобождает его от уголовной ответственности.

8.10 Государство-участник указывает на сложность точного прогнозирования потенциальной опасности правонарушителя и на необходимость определения того, не нарушает ли наказание в виде заключения под стражу базовые права и основные свободы человека. Федеральный закон о защите от бытового насилия призван обеспечить эффективный и одновременно пропорционально сбалансированный метод борьбы с бытовым насилием, сочетающий меры уголовного и гражданского права, работу полиции и меры поддержки. Необходимо наладить тесное сотрудничество уголовных и гражданских судов, полицейских органов, учреждений по делам молодежи и организаций, защищающих права жертв,

включая, в частности, центры защиты от бытового насилия, а также оперативный обмен информацией между заинтересованными учреждениями и организациями.

8.11. Государство-участник указывает на то, что помимо урегулирования споров, полиция издает распоряжения о выселении и запрещении проживания, которые являются менее жесткими мерами, чем заключение под стражу. Положения пункта 7 раздела 38(а) Закона о полиции безопасности требуют, чтобы полиция проверяла выполнение постановлений о выселении и о запрещении проживания по крайней мере раз в первые три дня. Согласно инструкциям Венского директората Федеральной полиции, оптимальным методом осуществления полицией такого контроля является поддержание личного контакта с подвергающимся опасности лицом и посещение его на дому без предварительного уведомления, выбирая для этого время, когда кто-нибудь обязательно должен быть дома. Полицейские инспекторы в Вене должны вести базу данных об актах бытового насилия, чтобы оперативно извлекать из нее достоверную информацию.

8.12 Государство-участник указывает, что его законы вместе с электронным реестром судебных дел регулярно проходят экспертизу. В результате повышения уровня осведомленности была проведена значительная правовая реформа и улучшилась защищенность жертв бытового насилия, например отменено содержавшееся в пункте 4 раздела 107 Уголовного кодекса требование о том, что подвергающийся угрозе член семьи должен дать согласие на привлечение к ответственности лица, высказывающего в его адрес уголовно наказуемые серьезные угрозы.

8.13 Государство-участник заявляет, что проблема бытового насилия и потенциальные стратегии противодействия ей на регулярной основе обсуждаются на совещаниях руководителей прокуратур и представителей федерального министерства внутренних дел, в том числе и в связи с рассматриваемым вопросом. Оно также утверждает, что прилагаются значительные усилия к укреплению сотрудничества между прокуратурами и центрами противодействия бытовому насилию. Государство-участник также упоминает о мерах в области статистики, принимаемых федеральным министерством внутренних дел и находящимися в его ведении органами.

8.14 Государство-участник указывает, что Федеральный закон о защите от бытового насилия и его практическое применение являются основными элементами процесса обучения судей и прокуроров. Приводятся примеры семинаров и прочих проводимых на местном уровне мероприятий по вопросам защиты жертв. Ежегодно среди будущих судей распространяется информация по таким вопросам, как «бытовое насилие», «защита жертв» и «закон и семья». Эти программы охватывают базовые элементы явления насилия, которому подвергаются женщины и дети, включая его различные формы, травмы, посттравматические последствия, динамику отношений, в которых присутствует насилие, психологию агрессоров, факторы оценки степени опасности агрессора, организации, куда можно обратиться за помощью, законы и нормативные положения и порядок электронной регистрации данных. Организуются также ведомственные и комплексные курсы.

8.15 Государство-участник признает необходимость информирования лиц, подвергающихся насилию в быту, о средствах правовой защиты и имеющихся

консультативных службах. Государство-участник сообщает, что судьи раз в неделю для всех желающих проводят на базе районных судов бесплатные консультации по действующим нормативно-правовым документам. Оказывается также психологическая консультативная помощь, в частности районным судом Хернальза. Государство-участник также указывает, что районные суды проводят информационно-разъяснительную работу по этому вопросу (издаются плакаты и листовки на арабском, немецком, английском, французском, польском, русском, сербско-хорватском, испанском и венгерском языках). Помимо этого, открыта бесплатная прямая телефонная линия, по которой жертвы насилия могут в любое время суток получить бесплатную юридическую консультацию у квалифицированных юристов. Государство-участник далее утверждает, что «женские дома» используются в качестве убежищ, где женщины-жертвы насилия получают консультативную помощь, уход и содействие в их контактах с государственными органами власти. В связанных с бытовым насилием случаях, когда выносится постановление о выселении и запрещении проживания, сотрудники полиции должны информировать подвергающихся опасности лиц о возможности получения временного запрета в соответствии с разделом 382(а) Закона об исполнении судебных постановлений. В Вене нуждающимся в помощи людям предлагается информационная брошюра (на английском, французском, сербском, испанском и турецком языках).

8.16 Государство-участник заявляет, что авторы обсуждаемого сообщения приводят абстрактные доводы в обоснование того, почему Федеральный закон о защите от бытового насилия вместе с практикой заключения под стражу за бытовое насилие и судебного преследования и наказания агрессоров якобы нарушают статьи 1, 2, 3 и 5 Конвенции. Государство-участник считает очевидным, что его юридическая система предусматривает всеобъемлющие меры для ведения адекватной и эффективной борьбы с бытовым насилием. Государство-участник заявляет, что Шахиде Гёкче государство предлагало самые разнообразные формы помощи.

8.17 Государство-участник далее заявляет, что постановление о заключении под стражу выносится тогда, когда имеются достаточно обоснованные опасения, что, в противном случае, потенциальный агрессор может привести свою угрозу в исполнение. Оно заявляет, что нельзя в каждом индивидуальном случае исключить возможность ошибки в оценке степени опасности агрессора. Государство-участник заявляет, что, хотя нынешний случай является весьма трагическим, не следует упускать из виду тот факт, что возможность заключения под стражу должна сопоставляться с правом предполагаемого правонарушителя на личную свободу и справедливое судебное разбирательство. Государство-участник упоминает о положениях прецедентного права Европейского суда по правам человека, предусматривающих, что наказание в виде лишения лица свободы в любом случае представляет собой акт *ultima ratio* и может применяться лишь тогда, когда оно соразмерно цели этой меры. Государство-участник также заявляет, что, если исключить все источники опасности, заключение под стражу должно назначаться в ситуациях бытового насилия как превентивная мера. В этом случае бремя доказывания ложится на другую сторону и серьезно нарушаются принципы презумпции невиновности и право на справедливое судебное разбирательство. Защита женщин через позитивную дискриминацию в форме, например, автоматического ареста, заключения под стражу, предварительного осуждения и наказания мужчин, когда есть основа-

ния подозревать бытовое насилие, представляется неприемлемой и противоречит примату права и основным правам.

8.18 Государство-участник заявляет, что автор мог в любое время подать жалобу на действия прокурора в соответствии с разделом 37 Закона о прокуратуре. Кроме того, Шахида Гёкче не воспользовалась ни одним из имевшихся в ее распоряжении различных средств правовой защиты. Тот факт, что она не дала согласия на судебное преследование Мустафы Гёкче по факту высказанных им в декабре 1999 года уголовно наказуемых серьезных угроз и что она часто отказывалась давать против него показания и просила суд не наказывать мужа, имел результатом его оправдание. Шахида Гёкче утверждала, что ее заявления по факту имевшего место в августе 2000 года инцидента делались, когда она не давала себе в них отчета из-за депрессии, а прокурор опять же установил, что убедительной основы для судебного преследования Мустафы Гёкче не существует. Государство-участник далее утверждает, что имеющиеся факты по инциденту, происшедшему 8 октября 2002 года, также не свидетельствуют в пользу заключения под стражу Мустафы Гёкче. Прокурору не было известно, что у Мустафы Гёкче было огнестрельное оружие. Наконец, государство-участник заявляет, что на основании полицейских протоколов и других имеющихся данных нельзя было сделать вывод о наличии опасности фактического совершения Мустафой Гёкче преступного деяния.

8.19 Государство-участник обобщает свою позицию заявлением о том, что Шахиде Гёкче не могла быть гарантирована эффективная защита, поскольку она была не готова сотрудничать с австрийскими властями. В свете информации, имеющейся у компетентных органов, любое дальнейшее вмешательство государства в основные права и свободы Мустафы Гёкче в соответствии с конституцией было бы недопустимым.

8.20 Государство-участник заявляет, что используемая им система комплексных мер³, направленная на борьбу с бытовым насилием, не носит дискриминационного характера в отношении женщин, а заявления авторов о противном являются необоснованными. Решения, которые задним числом представляются неприемлемыми (при поступлении дополнительной информации), не являются дискриминационными *eo ipso*. Государство-участник заявляет, что оно соблюдает свои обязательства в соответствии с Конвенцией в том, что касается принятия законов и их осуществления, и что Шахида Гёкче никакой дискриминации как женщина не подвергалась.

8.21 В свете вышеизложенного государство-участник просит Комитет отклонить обсуждаемое сообщение как неприемлемое; *in eventu* отклонить его как явно необоснованное и *in eventu* постановить, что права Шахиды Гёкче в соответствии с Конвенцией ущемлены не были.

³ В целях иллюстрации эффективности применяемых мер государство-участник представляет статистические данные о количестве издаваемых запретов на доступ в общее жилье и о других мерах правового характера.

Комментарии авторов по просьбе государства-участника относительно пересмотра решения о приемлемости и по представлению обстоятельств дела

9.1 В своем представлении от 30 ноября 2006 года авторы заявляют, что ни дети жертвы, ни сами авторы не добивались пересмотра статутных положений Конституционным судом — требования, которое было бы признано неприемлемым. Они также считали нецелесообразным передать это дело на рассмотрение Конституционного суда. Авторы отмечают, что основная направленность сообщения заключалась в том, чтобы подчеркнуть факт неприменения юридических положений, а не указать на необходимость внесения изменений в эти положения или их отмены. Кроме того, авторы заявляют, что их предложения о внесении улучшений в существующие законы и меры по их выполнению никогда не были бы реализованы путем подачи конституционной жалобы. Поэтому конституционная жалоба не должна рассматриваться в качестве национального средства правовой защиты для целей пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола.

9.2 Авторы считают, что на данном этапе для государства-участника неприемлемо пользоваться таким аргументом как «ассоциированное судебное преследование», поскольку государству-участнику ранее уже дважды предоставлялась возможность высказаться по вопросу о приемлемости, не говоря уже о том, что это средство правовой защиты было бы дорогостоящим и не привело бы к реальному улучшению сложившегося положения. Авторы считают, что Факультативный протокол и правила процедуры Комитета, а также общие правовые принципы (“ne bis in idem”) не предусматривают возможность отказа от решения о приемлемости, принятого 27 января 2006 года.

9.3 Авторы отмечают, что государство-участник упоминает о принятых решениях и юридических положениях, вступивших в силу после убийства Шахиды Гёкче.

9.4 Авторы заявляют, что замечания государства-участника возлагают бремя и обязанность доказывания по факту действия мужу-насилельнику на жертву и ставят ей в вину непринятие надлежащих мер. Авторы заявляют, что такая позиция свидетельствует о том, насколько понимают власти динамику насилия между партнерами, опасное положение жертвы и власть, которую имел преступник над жертвой, которую он в конечном итоге убил.

9.5 Авторы отмечают, что государство-участник признало все случаи насильственных инцидентов, которые имели место. В то же время авторы заявляют, что государство-участник в ряде случаев неправильно интерпретировало отдельные факты. Авторы заявляют, что именно Мустафа Гёкче утверждал, что у Шахиды Гёкче случился приступ эпилепсии — объясняющий появление синяка у нее на шее — и что он ее успокаивал.

9.6 Авторы оспаривают заявление государства-участника, что Шахида Гёкче просила суд не наказывать мужа и отрицала тот факт, что он ей угрожал. Они заявляют, что в протоколе допроса зафиксированы неоднократные угрозы со стороны Мустафы Гёкче убить Шахиду Гёкче. Кроме того, Шахида Гёкче только один раз отказалась дать показания против своего мужа, а причиной приостановления дальнейшего уголовного разбирательства был отказ прокурора инициировать его. Что касается утверждения государства-участника, что Ша-

хида Гёкче представила инциденты в Организации по защите благосостояния молодежи как незначительные, то авторы заявляют, что Шахида Гёкче опасалась потерять своих детей и подвергнуться социальному и культурному ostracismu как турецкая женщина, у которой забрали детей.

9.7 Авторы указывают, что государство-участник признает факт неоднократного нарушения Мустафой Гёкче временного запрета, наложенного районным судом Хернальза. Авторы высказывают критические замечания в адрес полиции за то, что она не восприняла серьезно информацию брата Мустафы Гёкче в отношении оружия.

9.8 Авторы заявляют, что государство-участник не признает ответственности за бездействие властей и должностных лиц. Они утверждают, что, прежде чем вынести решение о заключении под стражу Мустафы Гёкче, государство-участник должно было дать всеобъемлющую оценку степени потенциальной опасности, которую может представлять Мустафа Гёкче. Кроме того, государство-участник должно было надлежащим образом учесть социально-психологические обстоятельства дела. Авторы считают, что применение исключительно гражданских мер было в данном случае необоснованным, поскольку они не мешают агрессивным и опасным преступным элементам совершать преступления.

9.9 Авторы обращают внимание на недостатки системы защиты. Один из них состоит в том, что полицейская и прокурорские службы не могут общаться между собой достаточно оперативно. Другой недостаток заключается в том, что полицейские протоколы по фактам бытового насилия не предоставляются в распоряжение тех сотрудников, которые отвечают на экстренные просьбы об оказании помощи. Авторы также жалуются на отсутствие систематически координируемой и/или институциональной связи между прокуратурой и судом по делам семьи. Они также заявляют, что выделяемых правительством средств по-прежнему недостаточно для того, чтобы обеспечить необходимую помощь всем жертвам бытового насилия.

9.10 Авторы упоминают об обмене информацией между представителями полиции и представителем Кризисного центра сразу же после убийства Шахиды Гёкче, когда начальник полиции указал на недостатки в работе службы реагирования на экстренные вызовы. Авторы утверждают, что в данном конкретном случае Шахида Гёкче звонила в службу за несколько часов до гибели, однако патрульная машина так и не была послана. Хотя начальник полиции просил представителей Кризисного центра объяснять пострадавшим, какую информацию они должны предоставлять полиции, авторы считают, что было бы нереально ожидать от жертв насилия представления в чрезвычайных ситуациях всей информации, имеющей отношение к делу, учитывая их эмоциональное состояние. Кроме того, в данном конкретном случае следует отметить, что немецкий язык не был родным языком Шахиды Гёкче. Авторы заявляют, что властям следует систематически собирать информацию об опасных, отличающихся агрессивностью преступниках, которую можно было бы оперативно использовать в чрезвычайных ситуациях.

9.11 Авторы заявляют, что неправильно утверждать, что Шахида Гёкче не воспользовалась имеющимися средствами правовой защиты. В 2002 году, когда она была убита, Шахида Гёкче неоднократно пыталась получить помощь от полиции, однако ни ее саму, ни ее семью всерьез не воспринимали; часто ее

жалобы вообще не регистрировались. Кроме того, авторы утверждают, что полиции было известно о нескольких случаях физического нападения на пострадавшую со стороны Мустафы Гёкче, однако эти случаи должным образом не протоколировались, с тем чтобы впоследствии использовать соответствующую информацию для оценки потенциальной опасности этого человека. Авторы указывают, что потенциальная опасность насилия со стороны супруга, который не соглашается на раздельное проживание с супругой и семьей, является весьма высокой. В данном конкретном случае супруг Шахиды Гёкче был необоснованно ревнив и отказывался от раздельного проживания, что создавало повышенный риск, который не принимался во внимание.

Дополнительные замечания государства-участника

10.1 В своем представлении от 19 января 2007 года государство-участник сообщает подробную информацию о так называемом «ассоциированном судебном преследовании», когда функции по судебному преследованию обвиняемого берет на себя частная компания. Государство-участник заявляет, что для недопущения сутяжничества в этом случае применяются более жесткие требования, чем те, которыми руководствуется прокурор. Согласно этой процедуре, лицо, права которого были предположительно нарушены в результате совершения преступления, становится в судебном разбирательстве частной стороной.

10.2 Государство-участник сообщает, что Шахида Гёкче была информирована о ее праве на возбуждение «ассоциированного судебного преследования» 14 декабря 1999 года, 20 сентября 2000 года и 6 декабря 2002 года.

10.3 Государство-участник также заявляет, что Шахида Гёкче имела право представить жалобу в соответствии с разделом 37 Закона о прокуратуре (Staat-sanwaltschaftsgesetz) либо главному прокурору Вены, либо главной прокуратуре Федерального министерства юстиции, если бы она сочла официальные действия ответственного прокурора противозаконными. Никаких формальных требований не существует, и жалобы могут подаваться в письменном виде, по электронной почте, по факсу или по телефону.

10.4 Государство-участник указывает, что временный запрет для защиты от бытового насилия может испрашиваться лицом, живущим или ранее жившим одной семьей с агрессором, или находящемся с ним в отношениях, аналогичных семейным, согласно разделу 382(b) Закона об исполнении судебных постановлений, когда имеют место агрессивные физические действия, угроза физической расправой или любое поведение, серьезно влияющее на эмоциональное состояние жертвы, и когда дом отвечает безотлагательным потребностям заявителя в жилье. Агрессору может быть приказано покинуть дом и ближайшую к нему территорию и больше не возвращаться туда. Если дальнейшее общение становится недопустимым, агрессору может быть запрещено посещать специально оговоренные места и предписано избегать встреч и контактов с заявителем в той мере, если такие ограничения не затрагивают жизненно важные интересы агрессора. В тех случаях, когда издается постановление о временном запрете, органы общественной безопасности могут также счесть целесообразным в качестве превентивной меры вынести постановление о выселении (Wegweisung).

10.5 Государство-участник заявляет, что временные запреты могут издаваться при разводе, расторжении брака и признании его недействительным с разделе-

нием нажитого в браке имущества или установлении права пользоваться домом. В таких случаях временный запрет действует в течение всего срока судебного разбирательства. Если такие разбирательства не проводятся, временный запрет может издаваться на срок до трех месяцев. Постановление о выселении и о запрете на возвращение действует 10 дней, однако в случае подачи заявления на временный запрет оно продлевается еще на 10 дней.

Повторное рассмотрение вопроса о приемлемости

11.1 В соответствии с пунктом 2 правила 71 своих правил процедуры Комитет повторно рассмотрел сообщение в свете всех данных, представленных ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

11.2 По поводу запроса государства-участника относительно пересмотра решения о приемлемости на том основании, что родственники Шахиды Гёкче не воспользовались процедурой, предусмотренной в пункте 1 статьи 140 Федеральной конституции, Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких новых аргументов, которые изменили бы мнение Комитета о том, что в силу его абстрактного характера это национальное средство правовой защиты вряд ли способствовало бы реальному улучшению сложившегося положения.

11.3 Что касается заявления государства-участника о том, что Шахида Гёкче как частное лицо имела возможность использовать против своего мужа процедуру, известную как «ассоциированное судебное преследование», после того, как прокурор принял решение снять с него обвинение, Комитет не считает такое средство правовой защиты *de facto* доступным автору с учетом того, что требования в случае инициирования частным лицом судебного разбирательства в отношении обвиняемого являются более жесткими, чем требования, которыми руководствуется прокуратура, что немецкий язык не был родным языком Шахиды Гёкче и, что особенно важно, она длительное время подвергалась бытовому насилию и угрозам в свой адрес. Кроме того, то, что государство-участник обратилось к процедуре «ассоциированного судебного преследования» на позднем этапе судебного разбирательства, свидетельствует о том, что с этим средством правовой защиты нет полной ясности. Таким образом, Комитет не считает процедуру правовой защиты «ассоциированное судебное преследование» средством, которым Шахида Гёкче была обязана воспользоваться в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола.

11.4 Что касается утверждения государства-участника о том, что Шахиде Гёкче было предоставлено право подать жалобу в соответствии с разделом 37 Закона о прокуратуре, то Комитет считает, что данное средство правовой защиты, призванное установить законность официальных действий ответственного прокурора, не может рассматриваться как средство правовой защиты, которое могло бы реально помочь женщине, чья жизнь оказалась в смертельной опасности, и, следовательно, не должно препятствовать неприемлемости сообщения.

11.5 Комитет переходит к рассмотрению аргументов, приведенных в сообщении.

Рассмотрение аргументов

12.1.1 Что касается нарушения обязательства государства-участника искоренять насилие в отношении женщин во всех его формах, как это имело предположительно место в деле Шахиды Гёкче, в соответствии с пунктами (а) и (с)–(f) статьи 2 и статьи 3 Конвенции, то Комитет напоминает о своей общей рекомендации 19, касающейся насилия в отношении женщин. В этой общей рекомендации затрагивается вопрос о том, могут ли государства-участники нести ответственность за действия негосударственных субъектов, и говорится, что «... дискриминация в соответствии с Конвенцией не ограничивается действиями, совершенными правительствами или от их имени...» и что «[в соответствии с общими нормами международного права и конкретными пактами в области прав человека] государство может нести также ответственность за действия частных лиц, если оно не проявляет должной заботливости, чтобы предотвратить нарушения прав или расследовать акты насилия и наказать виновных в их совершении, а также чтобы выплатить компенсацию».

12.1.2 Комитет отмечает, что государство-участник разработало комплексную модель борьбы с проблемой бытового насилия, включающую законы, средства уголовно-правовой и гражданско-правовой защиты, повышение уровня общей осведомленности, просвещение и подготовку кадров, предоставление убежища, консультирование жертв насилия и работу с агрессорами. В то же время, чтобы отдельные женщины, ставшие жертвами бытового насилия, могли воспользоваться осуществлением на практике принципа равенства мужчин и женщин и своими правами человека и основными свободами, политическая воля, которая нашла выражение в вышеупомянутой всеобъемлющей системе Австрии, должна поддерживаться государственными субъектами, которые придерживаются взятых государством-участником обязательств по соблюдению должной осмотрительности.

12.1.3 В данном случае Комитет отмечает, что в течение трехгодичного периода, начавшегося с факта применения насилия, о котором было сообщено полиции 3 декабря 1999 года, и закончившегося убийством Шахиды Гёкче 7 декабря 2002 года, количество звонков в полицию о беспорядках и спорах и/или побоях постоянно росло; полиция трижды запрещала проживание и дважды просила прокурора издать распоряжение о заключении Мустафы Гёкче под стражу. Кроме того, в момент убийства действовал трехмесячный временный запрет, в соответствии с которым Мустафа Гёкче не имел права посещать принадлежащую семье квартиру и находиться в непосредственной близости от нее, а также вступать в контакт с Шахидой Гёкче или детьми. Комитет отмечает, что Мустафа Гёкче застрелил Шахиду Гёкче из пистолета, который он купил за три недели до этого, несмотря на действовавший на этот момент в отношении него запрет на владение оружием и на подтвержденное заявление авторов о том, что братом Мустафы Гёкче полиции было сообщено о наличии у него оружия. Кроме того, Комитет отмечает также доказанный факт, что Шахида Гёкче звонила в службу экстренной помощи за несколько часов до гибели, однако патрульная машина на место преступления так и не была направлена.

12.1.4 Комитет считает, что при таком сочетании факторов полиция знала или должна была знать, что Шахида Гёкче подвергается серьезной опасности; она должна была отнестись к ее последнему звонку как к чрезвычайному происшествию, тем более поскольку сам Мустафа Гёкче продемонстрировал опасный и

агрессивный характер своих намерений. Комитет считает, что в свете длительной серии скандалов и побоев на полицию, которая не отреагировала незамедлительно на звонок, можно возложить ответственность за непринятие должных мер в целях защиты Шахиды Гёкче.

12.1.5 Хотя государство-участник совершенно обоснованно заявляет, что в каждом конкретном случае необходимо определять, не является ли заключение под стражу соразмерным посягательством на такие базовые права и основные свободы лица, совершающего акты бытового насилия, как, например, право на свободу передвижения и на справедливое судебное разбирательство, Комитет, как это уже не раз фиксировалось в его мнениях по другому сообщению по факту бытового насилия, считает, что права агрессора не могут возобладать над правами женщин на жизнь и на физическое и психическое здоровье⁴. В рассматриваемом случае Комитет считает, что поведение Мустафы Гёкче (угрозы, запугивания и побои) явно носило характер насилия, о чем было известно прокурору, который должен был удовлетворить просьбу полиции об аресте Мустафы Гёкче и помещении его под стражу в связи с инцидентами, происшедшими в августе 2000 и в октябре 2002 годов.

12.1.6 Отмечая, что Мустафа Гёкче был в полной мере наказан по закону за убийство Шахиды Гёкче, Комитет, тем не менее, считает, что государство-участник нарушило свои обязательства по пунктам (a) и (c)–(f) статьи 2 и статье 3 Конвенции, взятым в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией 19 Комитета, и соответствующие права погибшей Шахиды Гёкче на жизнь, а также физическое и психическое здоровье.

12.2 Комитет отмечает, что авторы также заявляют, что государство-участник нарушило статьи 1 и 5 Конвенции. Комитет в своей общей рекомендации 19 заявил, что определение дискриминации в статье 1 Конвенции включает и насилие по признаку пола. Он также признал наличие связи между традиционными взглядами, в соответствии с которыми женщины считаются находящимися в подчинении у мужчин, и бытовым насилием. В то же время Комитет считает, что представления авторов сообщения и государства-участника не требуют проведения дальнейшего расследования.

12.3 Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав покойной Шахиды Гёкче на жизнь, а также физическое и психическое здоровье, предусмотренных в пунктах (a) и (c)–(f) статьи 2 и статье 3 Конвенции, взятых в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией 19 Комитета, и выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

а) обеспечить более эффективную реализацию и мониторинг Федерального закона о защите от бытового насилия и соответствующих положений Уголовного кодекса, действуя с должной осмотрительностью для предотвращения и пресечения такого насилия в отношении женщин и правильно применяя санкции, когда это не делается;

⁴ См. пункт 9.3 мнений Комитета в отношении сообщения № 2/2003, А.Т. против Венгрии.

b) обеспечить решительное и оперативное преследование в судебном порядке лиц, совершающих акты бытового насилия, чтобы дать понять агрессорам и широким слоям населения, что общество осуждает бытовое насилие, а также обеспечить использование уголовно-правовых и гражданско-правовых средств юридической защиты в тех случаях, когда агрессор, прибегающий к бытовому насилию, представляет собой серьезную опасность для жертвы, и обеспечить также, чтобы в контексте осуществления всех мер в целях защиты женщин от насилия надлежащее внимание уделялось безопасности женщин с особым упором на то, что права правонарушителя не отменяют прав женщин на жизнь, а также физическое и психическое здоровье;

c) обеспечить активизацию координации деятельности правоохранительных и судебных органов, а также обеспечить, чтобы на всех уровнях системы уголовного правосудия (полиция, прокуратура, судьи) на постоянной основе осуществлялось сотрудничество с неправительственными организациями, которые занимаются вопросами обеспечения защиты и поддержки женщин-жертв бытового насилия;

d) активизировать осуществление учебных программ и организацию обучения по проблематике бытового насилия для судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, включая изучение Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, общей рекомендации 19 Комитета и Факультативного протокола к Конвенции.

12.4 В соответствии с пунктом 4 статьи 7 государство-участник должно надлежащим образом рассмотреть мнения Комитета и его рекомендации и в течение шести месяцев представить Комитету письменный ответ с любой информацией о любых мерах, принятых в свете мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику также надлежит опубликовать и перевести на немецкий язык и широко распространять мнения и рекомендации Комитета, с тем чтобы ознакомить с ними все соответствующие сектора общества.